

З. В. УДАЛЬЦОВА

К ВОПРОСУ О СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДАХ ВИЗАНТИЙСКОГО ИСТОРИКА XV в. КРИТОВУЛА

Византийский историк XV в. Михаил Гермодор Критовул был не только писателем, но и видным политическим деятелем своего времени, активно участвовавшим в сложной политической и социальной борьбе, развернувшейся на островах Эгейского моря в период турецкого завоевания. Он был тесно связан с приверженцами туркофильского течения в Византии, и его политические симпатии наложили сильный отпечаток на все его мировоззрение и определили политическую направленность написанного им исторического сочинения. Поэтому анализ этого сочинения Критовула позволяет не только выяснить мировоззрение самого автора «Истории Мехмеда II», но и составить представление о социально-политической сущности того общественного течения, к которому он принадлежал. В этом плане нам кажется целесообразным выяснить отношение Критовула к важнейшим политическим вопросам того времени, волновавшим умы его современников.

В данной работе остановимся лишь на трех наиболее важных вопросах: 1) об отношении к туркам и турецкому завоеванию Византии; 2) об отношении к Западу и в частности к итальянцам и 3) об отношении к византийскому государству и греческому народу¹.

1. ОТНОШЕНИЕ КРИТОВУЛА К ТУРКАМ И ТУРЕЦКОМУ ЗАВОЕВАНИЮ ВИЗАНТИИ

Основной целью, которую ставил себе Критовул при написании «Истории Мехмеда II», было прославление подвигов этого султана. Об этом он сам говорит в своем посвятельном письме, обращенном к султану². В отличие от других современных ему византийских историков, которые называют Мехмеда II — «безбожным тираном» (τύραννον δυσσεβῆ), «погибелью нашего рода» (ἄλετήρα τοῦ γένους ἡμῶν), «Антихристом» (Ἀντίχριστον), «врагом креста» (ἔχθρὸν τοῦ σταυροῦ), «учеником сатаны» (μαθητὴν τοῦ σατανᾶ), «терзающим демоном» (δαίμονα σαρκόβόρον) и другими столь же нелестными эпитетами, в труде Критовула Мехмед II выступает как «великий самодержец», «царь царей», «счастливый», «побеж-

¹ Краткий обзор научной литературы о Критовуле содержится в другой работе автора данной статьи: Предательская политика феодальной знати Византии в период турецкого завоевания. ВВ, т. VII, М., 1953, стр. 102—107. Из новейшей литературы можно указать новый перевод труда Критовула: Kritoboulos. History of Mehmed the Conqueror; transl. from the Greek by Charles T. Riggs. Princeton, 1954, 222 p.

² Critobulus. De rebus gestis Mechemetis II, ed. C. Müller, Fragmenta Historicorum Graecorum (в дальнейшем — FHG), vol. V. Paris, 1883. Epistola, § 1—4.

дающий», «захватывающий трофеи», «триумфатор», «непобедимый», «господин земли и моря». Чтобы польстить султану, Критовул всюду называет его βασιλεύς, а не ἀμπαράς, как именуют его другие современные авторы. Себя же Критовул называет не иначе, как «ничтожным рабом» (δοῦλος εὐτελής) султана.

Критовул всячески прославляет величие души и благородство характера Мехмеда II. В своем посвящении он пишет, что Мехмед II «один из немногих царей, который соединил с подвигами красноречие, мудрость и опытность в управлении государством», тот самый «царь — добрый правитель и воин», о котором говорит Гомер³. Восхвалениями «ума и доброго характера» султана⁴ пестрит весь труд Критовула.

Однако следует все же отметить, что Критовул не унижает себя столь низкой и недостойной лестью, как другой известный туркофил — трапезунтский ученый и философ Георгий Амируци. Амируци, близко стоявший к султану и бывший его учителем «эллинской мудрости», буквально не находит достаточно хвалебных эпитетов для прославления Мехмеда II⁵.

И хотя Критовул нигде не дает нам живого и яркого образа Мехмеда II, как, например, Донадо да Леце в своей «Турецкой истории» или некоторые турецкие писатели, а рисует его несколько отвлеченно, схематично, следуя установившемуся канону в описании «великих» царей, — в его труде мы найдем все же не мало ценных сведений для характеристики султана. При этом, конечно, никогда не следует забывать о крайней тенденциозности автора.

Воспевая подвиги своего героя, Критовул стремится скрыть его преступления и пороки. Так, например, он совершенно умалчивает об убийстве Мехмедом II своего малолетнего брата Ахмета, преступлении, о котором подробно сообщают не только византийские писатели, например Халкокондил⁶, но и турецкие историки, в частности Сеад-эд-дин⁷.

Следуя литературной традиции и в угоду султану Критовул прежде всего восхваляет военные подвиги Мехмеда II, прославляет его победы и подчеркивает личное мужество и доблесть султана. Мехмед II всюду рисуется как талантливый и умелый полководец, одерживающий блестящие победы, покоряющий страны и народы. Поражения же султана автор всячески старается скрыть или преуменьшить. Особенно разительным примером в этом отношении является описание Критовулом осады Белграда Мехмедом II летом 1456 г.⁸ И это далеко не единственный пример сознательного извращения Критовулом исторических фактов. Так, он замалчивает победы вождя албанцев Скандербега, одного из самых храбрых и упорных противников Мехмеда II⁹, старается всячески преуменьшить неудачи, которые потерпел Мехмед II при осаде Круи¹⁰, во время второго похода в Боснию и борьбы с венгерским королем Матфеем Корвином при осаде города и крепости Яйце и многие другие¹¹.

³ Critobulus. De rebus gestis... Epistola, § 1.

⁴ Ibid., lib. II, cap. VII, § 6.

⁵ См. Δελτίον τῆς ἱστορικῆς καὶ ἐθνολογικῆς ἐταιρείας τῆς Ἑλλάδος, т. II. Ἀθήναι, 1885, σελ. 275.

⁶ Laonici Chalcocondilae Historiarum Libri decem. Bonnae, 1843, p. 375.

⁷ Saad-Eddin-Effendi. Relation de la prise de Constantinople, traduite du turc par M. Garin de Tassy. Paris, 1878.

⁸ Critobulus. De rebus gestis..., lib. II, cap. XVII—XIX. См. Э. В. Удалова. Византийский историк Критовул о южных славянах и других народах Балканского полуострова в XV веке. ВВ, т. IV, 1951, стр. 102—107.

⁹ Critobulus. De rebus gestis..., lib. V, cap. XI; XVI.

¹⁰ Ibid., lib. V, cap. XIX, § 1—2.

¹¹ Ibid., cap. VI, § 1—9.

Автор всегда старается подчеркнуть личную храбрость Мехмеда II (например, при осаде Белграда¹², осаде Коринфа¹³), его стойкость и выносливость (например, при переходе через Тавр¹⁴, во время похода в Албанию и путешествия по Албанским горам¹⁵ и др.).

Мехмед II, согласно Критовулу, никогда не бывает виновником войн и начинает войны лишь в силу веских причин. Виноваты в войне всегда его противники (Сербия, Босния, Валахия, Албания, деспоты Пелопоннеса, Трапезунт и др.), вызвавшие гнев царя своим неблагоприятным поведением, или нарушением договора с султаном, или невзносом в срок установленной дани, или же тем, что стремятся к перевороту и отпадению от Турции, заключают тайные союзы с ее врагами¹⁶. Иногда, утверждает Критовул, причиной вторжения турок в ту или иную страну являются внутренние междоусобицы, которые ослабляют эту страну и могут облегчить захват ее врагами султана¹⁷. Против правителей островов Эгейского моря (Лесбоса, Хиоса, Родоса, Наксоса и др.) обычно выставляется обвинение в том, что они принимают пиратские корабли, предоставляют им стоянки и необходимое продовольствие, а также сами снаряжают суда и наносят большой вред торговым кораблям турок и побережью областей, подчиненных султану¹⁸. В отношении албанцев, боснийцев, валахов и некоторых других сообщается, что они совершают набеги на области турок и опустошают их, а также не поставляют военные контингенты в войско султана¹⁹. В угоду своему могущественному покровителю Критовул всячески подчеркивает коварство и неблагодарность врагов султана, вызывающих этим «справедливый» гнев Мехмеда II²⁰.

Порою турецкий султан предстает в труде Критовула как защитник невинных жертв и мститель за злодеяния, им причиненные²¹.

Таким образом, вопреки исторической действительности Мехмед II в труде Критовула выступает в качестве не нападающей, а обороняющейся стороны, якобы защищающей свои законные права или помогающей своим союзникам. Агрессивный характер походов Мехмеда II тщательно вуалируется его историографом.

Однако Критовул не может иногда скрыть и других, вполне реальных причин, толкавших Мехмеда II на его завоевательные войны. Так, например, он указывает, что султана привлекало плодородие Сербии, изобилующей к тому же ценными металлами²²; что его соблазняли и богатства

¹² Critobulus. De rebus gestis... lib. II, cap. XVIII, § 6; cap. XIX, § 4.

¹³ Ibid., lib., III, cap. III, § 8—14.

¹⁴ Ibid., lib. IV, cap. IV—VI.

¹⁵ Ibid. lib. V, cap. XI—XII.

¹⁶ Сербь и другие народы Балканского полуострова заключают союз с венгерским королем (ibid., lib., II, cap. VI, § 1). Жители островов Эгейского моря и пелопоннесский деспот Фома — с итальянцами (ibid., lib. III, cap. X, § 1), царь Трапезунта — с правителями Азии, в частности с царем белых гуннов Хасаном (ibid., lib. IV, cap. I, § 7).

¹⁷ Смуты на Пелопоннесе могли, по словам Критовула, способствовать передаче полуострова в руки итальянцев (ibid., lib. III, cap. I, § 4—5); междоусобные войны в Трапезунте могут открыть туда дорогу Хасану (ibid., lib. IV, cap. I, § 7); смуты в сербском государстве могли облегчить захват Сербии венгерским королем (ibid., lib. II, cap. XX, § 8—12).

¹⁸ Ibid., lib. II, cap. III, § 5; lib. III, cap. X, § 2; lib. IV, cap. XI, § 1.

¹⁹ Ibid., lib. III, cap. XVI, § 4, 7.

²⁰ Ibid., cap. I, § 1—2; lib. IV, cap. X, § 1—6.

²¹ Так, например, он мстит Дорию, правителю Эноса и островов Имброса, Лемноса и др. за преступления по отношению к жене и детям его старшего брата (ibid., lib. II, cap. XI—XII), стремится наказать деспота Фому за злодеяния по отношению к его брату Деметрию (ibid., lib. III, cap. XIX, § 1—2) и т. п.

²² Ibid., lib. II, cap. VII, § 2—4.

таких крупных торговых центров, как города Энос²³, Синоп и Трапезунт²⁴, или таких областей, как Пелопоннес²⁵. Кроме того, Кривотул принужден признать, что Мехмед II при завоевании той или иной области большое значение придавал военно-стратегическому положению страны как возможного плацдарма для нападения турецких войск на наиболее опасных соперников султана²⁶.

Подчеркивая оборонительный характер войн султана, Кривотул в то же время признает, что Мехмед II заранее и весьма тщательно готовится к своим походам²⁷. Более того, он вынужден согласиться также и с тем, что турецкий султан после захвата той или иной страны или области прежде всего заботится о прочном закреплении за собой своих завоеваний, для чего оставляет в захваченных им крепостях сильные гарнизоны²⁸. Из этих и подобных им сообщений Кривотула становится вполне ясным, сколь несостоятельны его попытки скрыть истинный характер завоевательных походов Мехмеда II.

Кривотул всегда прославляет щедрость Мехмеда II по отношению к своим воинам и его заботу о войске²⁹. При этом он даже заявляет, что когда Мехмед II отступал из какой-либо страны или снимал осаду какой-либо крепости, упорно ему сопротивлявшейся, то им якобы руководила в первую очередь гуманная забота о спасении жизни его воинов³⁰.

Восхваляя военные подвиги султана, Кривотул одновременно несколько преувеличивает силы турок³¹.

Однако для того, чтобы еще более прославить победы турок, Кривотул отнюдь не преуменьшает, а зачастую даже преувеличивает и силы их противников. Он необычайно настойчиво подчеркивает неприступность крепостей и городов, которые осаждают и берет султан, непроходимость дорог, по которым лежит его путь, рисует яркими красками, с массой эпитетов, трудности, которые преодолевает султан и его войско во время походов³².

²³ Critobulus. De rebus gestis... lib. II, cap. XII, § 2—8.

²⁴ Ibid., lib. IV, cap. I, § 3; cap. III, § 3.

²⁵ Ibid., lib. III, cap. I, § 1—2.

²⁶ Так, например, Кривотул подчеркивает, что Сербия являлась плацдармом для нападения турок на Венгрию (ibid., lib. II, cap. VI, § 3); Пелопоннес — важный плацдарм в борьбе против итальянцев, дающий возможность переправлять войска в Италию (ibid., lib. III, cap. I, § 4); Синоп — был удобен для переброски войск султана против Трапезунта (ibid., lib. IV, cap. III, § 8).

²⁷ Автор указывает, что Мехмед II начинает свои походы обычно с наступлением весны, а в течение зимы тщательно готовится к ним, собирает и снаряжает войско, ввозит оружие и продовольствие. Особое внимание уделяет Мехмед II артиллерии и сбору всех необходимых материалов для отливки пушек в ходе самого похода. С особенной тщательностью готовился Мехмед II к взятию Константинополя (ibid., lib. I, cap. XX—XXII; XXVI—XXVII, XXIX), к осаде Белграда (ibid., lib. II, cap. XVII, § 1), а также к покорению Синопа и Трапезунта (ibid., lib. IV, cap. I, § 1). Заботливая и тщательная подготовка к войне сопутствует всем походам Мехмеда II.

²⁸ Ibid., lib. III, cap. IX, § 1.

²⁹ Ibid., lib. II, cap. XIX, § 7; lib. III, cap. IX, § 3; cap. XVII, § 8.

³⁰ Так поступает султан, по словам Кривотула, при осаде Белграда (Ibid., lib. II, cap. XVIII; § 1—2), осаде Коринфа (ibid., lib. III, cap. VI, § 8), при крайне неудачной для султана осаде крепости Круи (ibid., lib. V, cap. XIX, § 1—2).

³¹ Critobulus. De rebus gestis... lib. IV, cap. II, § 1. Сравните — Laonicus Chalcocondylae Historiarum... p. 485; Ducas. Historia Byzantina. Bonnæ, 1835, p. 340; Saâd-Eddin-Effendi. Op. cit., lib. II, p. 196.

³² Так, например, не говоря уже о Константинополе, Белграде, Коринфе и Круе, все крепости, осажденные царем — «укрепленные и недоступные» (φρούρια ἐρούρα καὶ δυσάλωτα); дороги — непроходимые скалистые, изобилующие глубокими пропастями (φάραγγας βαθύς), густыми лесами и т. д. (τόποις ἀβάτοις καὶ ἀποκρημνοῖς). Особенно это бросается в глаза при описании похода в Пелопоннес (Critobulus. De rebus gestis... lib. III, cap. V, § 1), похода в Албанию (ibid., lib. II, cap. XVI, § 1), перехода через Тавр (ibid., lib. IV, cap. IV, § 1—11).

Значительное место в труде Критовула отводится описанию роста морского могущества турок и завоевания ими владычества на море. Для Критовула-островитянина, вся жизнь которого теснейшим образом была связана с морем, вопрос о талассократии — это вопрос первостепенной важности³³. Для Критовула в современном ему мире существуют две морские державы — итальянцы (прежде всего венецианцы) и турки, и между ними идет постоянная ожесточенная борьба за господство на море, с ходом и исходом которой тесно связана судьба мелких государств и прежде всего островов Эгейского моря, судьба его родного острова.

Победа склоняется в пользу турок, и Критовул приветствует это, радуясь тому, что наконец-то почти уже сломлено ненавистное ему господство на море итальянцев — старинных врагов и конкурентов греческих купцов. Критовул в своей «Истории Мехмеда II» все время подчеркивает силу и многочисленность турецкого флота. По словам этого автора, одно лишь известие о приближении турецкого флота вызвало панику на островах Эгейского моря³⁴. Турецкий флот сыграл, по мнению Критовула, решающую роль и при взятии турками Константинополя, Эноса, Лесбоса, Синопа и Трапезунта.

Хотя морское могущество итальянцев слабеет и все более отходит в прошлое, но все же они еще сильны, и первой заботой султана Мехмеда II, по словам Критовула, является постройка сильного флота и окончательное завоевание господства на море.

Критовул подчеркивает, что особое внимание султан уделял созданию морского флота. Он пишет, что «царь приказывает повсюду строить корабли, видя, что власть на море необходима как для него, так и для его государства, особенно во время заморских походов»³⁵. И поэтому султан считал, что первым среди его дел является забота о морском флоте³⁶.

«И тщательно рассмотрев и изучив дела самых могущественных царей древности, он нашел, что их подвиги были велики и прославлены и что они приобрели большую силу благодаря могуществу на море. Вследствие этого он решил создать и у себя такую же силу. Ведь земля и море, соединенные в одной державе, делают эту державу могущественной»³⁷. Поэтому Мехмед II приказывает соорудить «большое количество прекрасных гаваней для принятия кораблей и их снаряжения»³⁸.

Критовул сообщает, что, вернувшись из похода на остров Лесбос, султан «приказывает как можно скорее сверх уже существующих кораблей построить немалое число других и набрать для них как можно больше моряков и снабдить все корабли экипажами»³⁹. И немного дальше автор объясняет причину, вызвавшую этот приказ Мехмеда II. «Ведь царь, — говорит он, — видел, что итальянцы, и особенно венецианцы, имеют большой флот, захватили господство на море и, владея островом Эгиной, наносят немалый вред близлежащему азиатскому и европейскому побережью». Вследствие этого он решил создать большой флот и захватить господство на море или по крайней мере «мешать господству» итальянцев⁴⁰. В V книге своей «Истории Мехмеда II» автор вновь возвращается к этому вопросу и гово-

³³ *Cristobulus. De rebus gestis. . .*, lib. II, cap. IV, § 3; lib. IV — cap. II, § 1—3.

³⁴ *Ibid.*, lib. I, cap. XXV, § 1—2.

³⁵ *Ibid.*, lib. III, cap. XIII, § 1.

³⁶ *Ibidem.*

³⁷ *Ibidem.*

³⁸ *Ibid.*, lib. III, cap. XI, § 5.

³⁹ *Ibid.*, lib. IV, cap. XIV, § 1.

⁴⁰ *Ibid.*, lib. IV, cap. XIV, § 2.†

рит, что султан, проводя зиму (1456 г.) в Константинополе, предался заботам о постройке большого числа кораблей, спеша употребить их в дело и не жалея никаких средств на это⁴¹.

Но для достижения господства на море было еще далеко не достаточно иметь сильный флот. Для этого необходимо было держать в своих руках проливы Босфор и Дарданеллы. Этому вопросу Критовул также придает чрезвычайно большое значение. Он весьма подробно описывает строительство турками крепости на Босфоре, подчеркивая всю важность этого дела и не скрывая того, что целью постройки крепости было стремление турок закрыть доступ кораблям итальянцев в Черное море⁴².

Захват Константинополя, помимо огромного военно-стратегического и политического значения, был также одним из важных этапов установления власти турок над проливами.

Окончательно обеспечивало господство турок над проливами строительство двух крепостей на берегах Геллеспонта. Критовул пишет, что Мехмед II, стремясь захватить господство на море, решил построить крепости на Геллеспонте и соединить под своей властью оба материка — Азию и Европу, «и все верхнее море, я имею в виду Эвксинский Понт и Геллеспонт, сделать внутренним морем и хорошо его обезопасить, закрыв пролив, чтобы к его побережью не могли бы проникнуть враги для грабительских набегов, как это недавно он сделал на Босфоре»⁴³.

В V книге своего труда Критовул рассказывает о завершении строительства этих крепостей и подробно останавливается на значении их сооружения. «И было окончено большое дело, самое выдающееся из всех, достойное славы и удивления, такое дело, которое никому из древних эллинов и великих царей и полководцев древности, как ромеев, так и персов, не приходило на ум, а прийдя, не могло быть выполнено»⁴⁴. «Ведь он (султан) отделил верхнее море (τὴν ἄνω θαλάσσην — Черное) от нижнего (κάτω θαλάσσης — Эгейского) и сделал проливы недоступными для плавания кораблей врагов султана». «Он воздвиг крепости с двух сторон и снабдил их камнеметами, посредством которых издали отгонялись триеры и даже большие олкады и все другие малые и большие корабли и тотчас, как только они приближались, они разбивались и уничтожались пущенными из пушек огромными камнями, как будто сжимаемые Сциллой и Харибдой»⁴⁵.

Большой знаток и любитель древности, наш автор вспоминает о том, что некогда Ксеркс, царь персов, соединил берега Геллеспонта мостом, но этот мост оказался непрочным и скоро был разрушен, в то время как воздвигнутым султаном укреплениям не страшны ни удары ветра и моря, ни набеги врагов, «до такой степени неразрывной и крепкой оказалась эта связь и этот мост»⁴⁶.

Критовул ясно отдает себе отчет в том, какое значение имело обладание проливами для расширения власти турок и для судеб других государств. Описывая богатство и могущество Трапезунта, который, по словам автора, «захватил в свои руки всю торговлю верхней Азии»⁴⁷ (т. е. Армении и других окрестных стран), Критовул подчеркивает, что процветание Трапезунта и его независимое существование были тесно связаны

⁴¹ Critobulus. De rebus gestis. . . , lib. V, cap. XV, § 1.

⁴² Ibid., lib. I, cap. VI, § 2.

⁴³ Ibid., lib. IV, cap. XIV, § 3.

⁴⁴ Ibid., lib. V, cap. III, § 2.

⁴⁵ Ibidem.

⁴⁶ Ibid., cap. III, § 3.

⁴⁷ Ibid, lib. IV, cap. I, § 2.

с судьбой проливов. «Пока в Константинополе все шло хорошо, а ромей, владея им, были господами пролива и Босфор был закрыт для прохода (судов), а Эвксинский Понт был недоступен для плавания великого флота царя, сопотривлялся и он (Трапезунт. — Э. У.), сохраняя свою свободу». «После того, как обстоятельства изменились, а Константинополь был осажден большим войском и взят великим царем и пролив попал к нему в руки, а дорога в Эвксинский Понт и к находящимся там городам была широко открыта по суше и по морю, тогда и он (Трапезунт. — Э. У.) смирился вместе с другими и стал данником султана»⁴⁸.

Не меньшую роль играли проливы в экономической жизни и других областей, в частности островов Эгейского моря; отсюда, видимо, столь большой интерес Критовула к проблеме проливов.

Выражая интересы патрицианской знати островов Эгейского моря, Критовул постоянно восхваляет новых властителей — турок — за покровительство греческой торговле в бассейне Эгейского моря и за устранение их торговых конкурентов — итальянцев⁴⁹.

Таким образом, для характеристики политических взглядов Критовула весьма важным является то обстоятельство, что он всячески оправдывает притязания турок на морское господство и антилатинскую политику Мехмеда II⁵⁰.

О флоте греков, особенно после падения Константинополя, в труде Критовула речи уже нет. Морское могущество ромеев исчезло безвозвратно, и острова Эгейского моря теперь находятся между двух огней — флотом турок и итальянцев. Отдавая предпочтение туркам, как в силу своих политических симпатий, так и потому, что он считает их более могущественными, особенно после завоевания ими господства на море, Критовул открыто переходит в стан победителей.

Туркофильские симпатии нашего автора весьма ярко проявляются в его крайне тенденциозной, явно предвзятой трактовке столь животрепещущего вопроса того времени, как вопрос об отношении турок к покоренным народам. На протяжении всего труда Критовул стремится показать милостивое отношение Мехмеда II к побежденным народам и их правителям. При этом он явно отступает от истины, ибо его рассказ противоречит сообщениям других современников. Особенно резко контрастирует с данными других авторов рассказ об отношении турок к пленным ромеям после взятия Константинополя.

Картина, рисуемая им, красочна, но не внушает никакого доверия. Критовул, в отличие от других авторов, сообщающих о страшных жестокостях турок в захваченной столице Византии, пишет, что «... султан проявлял большое человеколюбие и благотворительность, и царственное великодушие в отношении пленных ромеев, захваченных после падения Константинополя, и оказывал им ежедневно благодеяния. . . Ведь он часто выезжал из дворцов и, объезжая город, если только встречал кого-нибудь из них, тотчас придерживал коня и раздавал всем щедро, собственной рукой серебряные и золотые номисмы»⁵¹. Кроме того, при строительстве крепости *Χρυσέαν*, которое производилось пленными ромеями, он платил пленникам по 6 номисм в день и больше. «Это мероприятие было проявлением заботы царя о пленниках и проводилось для того, чтобы они могли

⁴⁸ Critobulus. De rebus gestis. . . , lib. IV, cap. I, § 6.

⁴⁹ Ibid., lib. III, cap. X, § 2; lib. IV, cap. XI, § 1.

⁵⁰ Так, например, он указывает, что укрепление Босфора и Дарданелл проводилось Мехмедом II в первую очередь против итальянцев, главным образом венецианцев (ibid., lib. IV, cap. XIV, § 2—3).

⁵¹ Ibid., lib. II, cap. I, § 3.

себя пропитать и имели свои личные средства, из которых могли бы внести выкуп своим хозяевам и, сделавшись свободными, заселить город»⁵².

Милость турок к побежденным — вот лейтмотив повествования Критовула о взятии турецкими войсками столицы византийского государства.

Рассказ Критовула полностью противоречит картине ужасного разгрома Константинополя и зверского обращения с пленными, которую рисуют другие византийские писатели XV в. — Сфрандзи⁵³, Дука⁵⁴ и Халкокондил⁵⁵.

В противоречии с идиллической картиной поведения турок в Константинополе находится утверждение самого Критовула о том, что султан Мехмед II вынужден был прилагать много усилий для заселения опустевшей после разгрома столицы Византийской империи⁵⁶.

В своем труде Критовул стремится показать милостивое отношение султана к деспоту Деметрию⁵⁷, к правителю Сербии Георгию,⁵⁸ к жителям Митилены⁵⁹, к Исмаилу, правителю Синопа⁶⁰, и др.

Однако Критовул все же не может полностью скрыть жестокости турок и, наряду с вымышленными им картинами милостивого обращения султана с покоренным населением, он порою рисует сцены беспощадной расправы Мехмеда II с жителями завоеванных областей. При этом, конечно, он всегда старается найти достаточно веское оправдание подобного поведения своего героя. Однако факты сами говорят за себя. Так, например, по сообщению самого Критовула, во время второго похода султана в Пелопоннес Мехмед II, после того как крепость Кастрион оказала ему упорное сопротивление, приказал всех оставшихся в живых после взятия крепости мужчин (а их было 300 человек) убить, женщин и детей обратить в рабство, а городок стереть с лица земли⁶¹.

Так же беспощадно поступил он с населением другой крепости в Пелопоннесе, которую автор называет Гардикон. Это была сильно укрепленная крепость, в которую бежалось «огромное множество» окрестных жителей «на их явную гибель». Все они были беспощадно уничтожены, а женщины и дети проданы в рабство⁶².

Стараясь найти оправдание жестокости султана, Критовул говорит, что подобным образом Мехмед II поступал только с теми крепостями, которые не сдались ему, пренебрегли его мирными предложениями и, оказав сопротивление, погубили много «прекрасных мужей» из его войска, за что он воспылал против них «гневом и справедливым негодованием». «Они же в большинстве своем были иллирийцы (албанцы), и он решил их устрашить и навести на них всех ужас, чтобы они не оказывали никакого сопротивления и на будущее время не дерзали бы вести себя столь самоуверенно»⁶³.

Историограф султана восхваляет своего героя за постоянную заботу о заселении крупных городов Византии, в первую очередь Константинополя,

⁵² Critobulus. De rebus gestis. . . , lib. II, cap. 1, § 2.

⁵³ Georgius Phrantzes. Chronicon. Bonnae, 1838, lib. III, cap. IX, p. 290 sqq.

⁵⁴ Ducas. Historia Byzantina, p. 298—306, p. 306—312, p. 312—314.

⁵⁵ Laonici Chalcocondylae Historiarum. . . , p. 401 sqq.

⁵⁶ Critobulus. De rebus gestis. . . , lib. II, cap. I, § 1; cap. X, § 3; cap. XXII, § 2—3; lib. III, cap. VII, § 2, cap. XVII, § 3—4.

⁵⁷ Ibid., lib. III, cap. XX, § 7; cap. XXIV, § 2—7.

⁵⁸ Ibid., lib. II, cap. XX, § 8.

⁵⁹ Ibid., lib. III, cap. X, § 7.

⁶⁰ Ibid., lib. IV, cap. III, § 6.

⁶¹ Ibid., lib. III, cap. XXI, § 6.

⁶² Ibid., lib. III, cap. XXII, § 4.

⁶³ Ibidem.

опустевших во время турецкого завоевания. Однако вряд ли можно считать благодеянием для жителей покоренных областей их массовое переселение со старых мест жительства⁶⁴. По этому поводу сам Критовул сообщает ряд интересных фактов.

По словам Критовула, султан, вскоре после взятия Константинополя, издал приказ и разослал глашатаев по всей стране с предложением переселить в город «большое количество не только христиан, но и людей его собственного племени и много евреев»⁶⁵. Возвратившись из похода против сербов, Мехмед II вновь принимает энергичные меры, стремясь, чтобы город был заселен так же, как и раньше, и для этого собирает и переселяет в Константинополь население из Европы и Азии⁶⁶.

Мехмед II, по данным Критовула, переселил в Константинополь много захваченных в плен турецкими войсками сербов, венгров и болгар⁶⁷. При захвате в плен жителей Пелопоннеса происходило также массовое переселение пленных в столицу и ее окрестности. При этом Критовул рассказывает, что некоторые крепости на Пелопоннесе полностью разрушались, а их жители насильственно переселялись в Константинополь⁶⁸. Такая же судьба постигла всех жителей обеих Фокей в Ионии, а также население островов Фасоса и Самофракии⁶⁹. При этом необходимо особо отметить, что турецкое правительство сохраняло в живых из покоренного населения в первую очередь полезных для Османского государства людей, главным образом ремесленников и других ценных для турок работников. Именно эта часть покоренного населения переселялась в столицу.

Так, Критовул пишет, что султан, возвратившись из похода на Пелопоннес, «сначала, отобрав из пелопоннесцев, привезенных им, тех, которых он считал выдающимися среди других и которые знали ремесла, разместил их внутри города, остальных же послал в деревни вне города, дав им зерна, упряжку волов и все необходимое в данный момент для того, чтобы они могли заняться пахотой и обработкой полей»⁷⁰. «После этого, — продолжает автор, — послал в Амастриду, город в Пафлагонии на побережье Эвксинского Понта, выселить оттуда большое количество самых богатых людей, а также из подвластных ему армян самых влиятельных и богатых и выдающихся знанием ремесел и других профессий, а также торговое сословие, всех выселив оттуда, переселяет в (Константинополь), и не только их, но и таких же из других подвластных ему народов»⁷¹.

Вернувшись из своего первого похода в Албанию, Мехмед II «рассылает приказ и через глашатая предписывает повсюду, как в Азии, так и в Европе, всех, кто жил в Константинополе, а затем или вследствие плена, или переселения, или каким-либо другим образом, еще до взятия города или после его падения, жил в других городах, перевести и переселить обратно». Особое внимание опять-таки обращалось на людей, «знающих какое-либо ремесло и весьма полезных», которые, рассеявшись по другим городам, «пользуясь своими знаниями, в короткое время снова приобрели

⁶⁴ Историк Дука прямо говорит о том, что переселение жителей проводилось насильственным путем под страхом смертной казни. Так, он пишет: „Сам же (султан) составил списки на пять тысяч семей из областей востока и запада, повелел им, под угрозой смерти, до сентября месяца со всем домом быть в городе, поставив над ними начальником раба своего по имени Солимана“ (Ducas. Historia Byzantina, p. 313).

⁶⁵ Critobulus. De rebus gestis. . . , lib. II, cap. I, § 1.

⁶⁶ Ibid., lib. II, cap. X, § 3.

⁶⁷ Ibid., cap. XXII, § 2—3.

⁶⁸ Ibid., lib. III, cap. VII, § 2.

⁶⁹ Ibid., cap. XVII, § 3—4.

⁷⁰ Ibid., lib. III, cap. XI, § 1.

⁷¹ Ibid., § 2.

большой недостаток и богатство». «И всех этих людей, — продолжает автор, — он переселил туда (в Константинополь. — Э. У.), раздав им дома и все необходимое имущество для самостоятельного ведения хозяйства»⁷².

Возвратившись из похода в Трапезунт, султан вновь заботится о заселении столицы и, желая, чтобы город процветал всеми ремеслами и науками, «повсюду собирает и переселяет туда людей, опытных в науках и ремеслах. . .»⁷³. Подобные примеры можно было бы еще продолжить.

Бесспорно, что Мехмед II, переселяя торгово-ремесленное население завоеванных областей в Константинополь и оказывая ему помощь в обустройстве хозяйства, руководствовался отнюдь не гуманными соображениями, а государственными интересами и политическими мотивами. Он стремился поднять благосостояние покоренных им областей и в первую очередь восстановить экономику столицы государства, в то же время сделать ее вновь крупнейшим политическим и культурным центром. Но нас интересует в данном случае прежде всего отношение к подобной политике султана со стороны туркофилов в лице их видного идеолога, Критовула. Особенно восторженные похвалы, которые он расточает султану за его заботу о торгово-ремесленном населении, являются, на наш взгляд, еще одним свидетельством тесных связей Критовула с торгово-ремесленными кругами византийского общества.

Большой интерес для определения социальн~~ых~~ корней мировоззрения Критовула представляют те места из его труда, где он с особой горячностью и пылом восхваляет Мехмеда II за его строительную деятельность, способствующую процветанию торговли и восстановлению Константинополя как крупнейшего экономического центра. Так, во II книге своей «Истории Мехмеда II» Критовул пишет, что султан, вернувшись из похода в Сербию, по своему обыкновению занялся восстановлением Константинополя и прежде всего приказывает восстановить как можно быстрее мосты через заливы 'Αδύρα и Ρηϊιον, пострадавшие от времени и обвалившиеся, а также другие дороги, ведущие к городу. И везде, где они были заболочены и непроходимы, приказывает выровнять их и покрыть плитами и камнями, так, чтобы легко и безопасно стало по ним переправляться. И не только это, но и построить гостиницы и постоялые дворы, в которых останавливались бы и отдыхали путешественники, прибывающие в город по суше. И рынок, самый большой и прекрасный, расположенный в центре города близ царских дворцов, приказал обнести стеной, чтобы вполне обезопасить то, что было внутри ее. . .». А также, продолжает автор, было дано приказание украсить этот рынок роскошными портиками, построить богатые бани и подвести в город в изобилии воду и сделать еще многое другое для «восстановления и украшения города, пользы и удобства жителей. . .»⁷⁴.

С большим восхищением, много раз на протяжении своего труда, Критовул говорит о «необычайной любви, запавшей в душу Мехмеда II к царственному городу», и о его постоянных заботах о строительстве в Константинополе роскошных дворцов, храмов, бань, рынков, гостиниц, странноприимных домов, о строительстве мостов и проведении дорог, о насаждении садов, о снабжении города водой и всем необходимым⁷⁵.

⁷² Critobulus. De rebus gestis. . . , lib. III, cap. XVII, § 3.

⁷³ Ibid., lib. IV, cap. IX, § 4.

⁷⁴ Ibid., lib. II, cap. X, § 1—2.

⁷⁵ Ibid., lib. II, cap. I, § 2; cap. III, § 3; cap. X, § 1—3; cap. XXII, § 1; lib. III, cap. XI, § 1—7; cap. XVII, § 5—6; lib. V, cap. IX, § 1—3.

Султан лично руководил строительными работами и не жалел никаких средств, не считаясь с большими издержками, для того, чтобы воздвигнутые им постройки могли затмить постройки древних⁷⁶. По его приказанию, со всех концов турецкой державы собирались «различные прекрасные материалы, мрамор и другие прозрачные и драгоценные камни, и множество больших и красивых колонн, а также железо, медь, большое количество свинца и всяких других необходимых материалов»⁷⁷. Кроме того, султан приказывает созвать в столицу отовсюду «самых искусных ремесленников — строителей, каменщиков, плотников и всех других, знающих какую-либо подобную специальность и ремесло»⁷⁸.

В «Истории Мехмеда II» содержится подробное описание дворца, построенного султаном в Константинополе. Этот дворец, по словам панегириста султана, был столь прекрасен, что ни в чем не уступал самым знаменитым и роскошным постройкам древности. Султан построил прекрасные и величественные башни, поднимающиеся ввысь, красивые здания, дворы, портики, роскошные бани и обнес все это высокой стеной. Внутри и снаружи все было отделано с большой роскошью, расцвечено множеством золота и серебра, украшено сверкающими камнями, мрамором и художественными орнаментами, повсюду были видны прекраснейшие произведения искусства, резьба, скульптура и живопись⁷⁹.

«И не только это, — продолжает Критовул, — но и разбил вокруг них большие и красивые сады, в которых росли редкие и разнообразные растения, отягченные спелыми плодами, где повсюду в изобилии протекали прохладные и пресные воды и били фонтаны, сады, которые изобиловали прекрасными рощами и лужайками, где стаи домашних и певчих птиц оглашали воздух пением и чириканьем, где паслись домашние и дикие животные, сады, гордившиеся многими другими красотами...». «Так щедро и роскошно отделал их царь», — заканчивает свое описание автор⁸⁰.

В своей строительной деятельности Мехмед II уделял большое внимание постройке различных военных сооружений⁸¹. В самом Константинополе, по желанию Мехмеда II, были построены крепкие и большие склады для хранения оружия, артиллерии и всякого другого военного снаряжения. И султан «постановил построить все необходимое для его войн и сражений»⁸².

Панегирик Критовула, прославляющий строительную деятельность султана, резко контрастирует с весьма сухими, а порою даже явно недоброжелательными упоминаниями о строительной деятельности Мехмеда II, встречающимися в произведениях других византийских историков XV в., в частности в труде Дуки⁸³.

Таким образом, на основании анализа «Истории Мехмеда II» мы можем не только констатировать туркофильскую ориентацию нашего автора

⁷⁶ Critobulus. De rebus gestis..., lib. III, cap. XVII, § 6.

⁷⁷ Ibid., § 5—6.

⁷⁸ Ibid., § 5.

⁷⁹ Ibid., lib. V, cap. IX, § 2. Постройка дворца, называвшегося Jeni Serai, на месте старого г. Византия была закончена в 872 г. хиджры (1467), о чем свидетельствуют надписи над его воротами.

⁸⁰ Ibid., § 3.

⁸¹ Ibid., lib. I, cap. VI, § 2; lib. IV, cap. XIV, § 3.

⁸² Ibid., lib. III, cap. XI, § 6.

⁸³ Дука в своем труде не только не восхваляет строительную деятельность Мехмеда II, а наоборот, стремится показать, как дорого стоили эти постройки ромеям. Рассказывая о строительстве Мехмедом II дворца в Константинополе, он подчеркивает, что свинцовая крыша для дворца была снята с монастырей, и говорит об этом с явным осуждением (Ducas. Historia Byzantina, p. 317—318).

и крайнюю тенденциозность его труда, но и сделать некоторые выводы о социальных корнях туркофильского течения в Византии. Конечно, не следует забывать, что страх перед могущественным султаном, желание ему угодить и всячески польстить весьма сильно тяготят над Критовулом, но несомненно вместе с тем, что с особой горячностью он прославляет и хвалит в своей книге именно то, что ему самому и его партии особенно импонирует в политике знаменитого султана-завоевателя. Поэтому он прежде всего высоко ценит военные силы турок и особенно их растущее могущество на море, хвалит султана за непримиримую борьбу с итальянцами, ненавистными конкурентами греческого патрициата, прославляет политику покровительства торговле и мореплаванью, милостивое отношение султана к завоеванному населению, особенно к торгово-ремесленным кругам, восхваляет строительную деятельность Мехмеда II, способствующего восстановлению торговых связей и возрождению Константинополя. Все это подтверждает, что Критовул был представителем и идеологом туркофильски настроенной части патрицианской знати бывшей Византийской империи, благополучие которой во многом зависело от состояния торговли в бассейне Эгейского моря.

2. ОТНОШЕНИЕ КРИТОВУЛА К ИТАЛЬЯНЦАМ

Явное недоброжелательство, а порою открытая враждебность к итальянцам проходят красной нитью через весь труд Критовула.

Конечно, вполне естественно, что в историческом сочинении, посвященном прославлению подвигов турецкого султана, автор должен был открыто выражать свои антипатии к врагам Мехмеда II. Однако если мы сравним отношение Критовула к различным народам, с которыми вел войны Мехмед II, с его отношением к итальянцам, то разница будет совершенно очевидной.

При описании войн турецкого султана Мехмеда II с ромеями, сербами, венграми, боснийцами и другими народами⁸⁴ Критовул проявляет известную лояльность, признает заслуги этих народов и их полководцев, отнюдь не преуменьшает их сил. Но как только в «Истории Мехмеда II» речь заходит об итальянцах, наш автор не жалеет красок для изображения их трусости, вероломства и слабости. Правда, следует отметить, что чувствуется некоторое различие в отношении Критовула к генуэзцам и венецианцам. В своих нападках на венецианцев Критовул не знает предела ненависти и вражде, в то время как в отношении генуэзцев он более сдержан⁸⁵.

Самым тяжким преступлением, по мнению Критовула, является союз с итальянцами. В наказание за союз с Западом Мехмед II начинает войны со многими народами. Так, например, в речи султана, якобы произнесенной перед началом похода на Константинополь, Мехмед II одним из самых важных мотивов, заставивших его начать войну с ромеями, выставлял опасения возможного союза греков с итальянцами, в частности с венецианцами⁸⁶.

Основной причиной похода турецких войск на Пелопоннес, по словам Критовула, явился гнев султана против деспота Фомы Палеолога за то,

⁸⁴ За исключением только албанцев и влахов, по отношению к которым Критовул тоже весьма враждебен.

⁸⁵ Это особенно заметно, когда он говорит о знатном роде генуэзских феодалов Гаттелузи. Критовул даже признает прошлые заслуги этого рода, мужество и благородство его основателя, хоть и подчеркивает, что в его время род Гаттелузи уже переживал глубокий упадок (см. Critobulus. De rebus gestis. . . , lib. II, cap. XIII, § 1—2).

⁸⁶ Ibid., lib. I, cap. XVI, § 13.

что он заключил соглашение с итальянцами и призывал их к себе на помощь⁸⁷.

Правителям города Эноса, островов Имброса, Лесбоса и других также вменялась в тягчайшую вину союз с итальянцами, чем оправдывались карательные походы султана против населения этих мест⁸⁸.

Критовул всячески стремится показать, что союз с итальянцами не может принести реальной помощи народам, выступавшим против султана. Так, например, он подробно рассказывает о том, как жестоко просчитались митиленцы, понадеявшись на помощь итальянцев против турок⁸⁹. При этом Критовул выставляет в весьма неприглядном свете командира итальянской эскадры Сергия, пришедшего на помощь жителям острова Лесбоса, вставшим против султана. По словам Критовула, Сергий, узнав о приближении турецкого флота, готовившегося к нападению на Лесбос, тотчас обратился в позорное бегство и скрылся на острове Хиос. В результате измены итальянцев и трусости их командира митиленцы потерпели полное поражение, а большая часть Лесбоса была опустошена турецкими войсками. И когда, после отплытия от острова турецкого флота, Сергий вновь вернулся в Митилену, то «он был осыпан бранью и упреками со стороны тамошних правителей за то, что, прибыв к ним в качестве союзника и обещав им помочь и поддерживая в них пустые надежды, бросил их в минуту опасности и обратился в бегство»⁹⁰. Сергий со стыдом удалился с острова, а митиленцы, пораженные его трусливым поведением и его глупостью (τοὺς ὑπίστους), отправили послов к султану и изъявили ему свою покорность⁹¹.

Критовул приводит этот рассказ явно в назидание всем, кто, питая «пустые надежды» на помощь итальянцев, неосмотрительно начинает борьбу против могущественного султана.

С большой охотой и не без злорадства историк подробно рассказывает в своем труде о поражениях венецианцев. При этом он зачастую преувеличивает размеры этих неудач ненавистных ему венецианских купцов и феодалов. Примером может служить описание Критовулом войны венецианцев с турками на Пелопоннесе в 1463 г.

Война началась из-за разногласий между турецким наместником Пелопоннеса Амаром и жителями венецианских городов на полуострове (Навпакта, Корона и Мефона), но итальянцы якобы начали войну вероломно, без обмена посольствами и не попытавшись разрешить разногласия путем переговоров⁹². Снарядив большой флот (из 70 триер), венецианцы прибыли к Пелопоннесу и приступили к строительству укреплений на Истме. На самом Пелопоннесе началось брожение, и некоторая часть крепостей и городов в центральной части полуострова и на его побережье присоединилась к венецианцам. Турецкий наместник Пелопоннеса Амар был вынужден запереться в Коринфе и ожидать прибытия подкреплений от султана. И действительно, Мехмед II послал на помощь Амару большое войско под командованием паши Махмута⁹³. Далее Критовул рассказывает о страшном поражении, которое понесли венецианцы. Махмут и Амар напали на них одновременно с двух сторон (Махмут со стороны Истма, Амар — из Коринфа). «И завязалась там страшная битва и свалка и руко-

⁸⁷ Critobulus. De rebus gestis..., lib. III, cap. XX, § 1.

⁸⁸ Ibid., cap. X, § 2; lib. IV, cap. XI, § 3.

⁸⁹ Ibid., lib. III, cap. X, § 2—5.

⁹⁰ Ibid., cap. X, § 6.

⁹¹ Ibid., § 7.

⁹² Ibid., lib. IV, cap. XVI, § 1—3.

⁹³ Ibid., § 3—8.

пашная схватка и убийство многих. Недолгое время венецианцы сопротивлялись, отражая воинов (султана), затем обратились в бегство изо всех сил и в полном беспорядке, а воины нападали, беспощадно убивая и захватывая их живыми, пока те не достигли моря и кораблей»⁹⁴. «С большим трудом сев на триеры, венецианцы вышли в открытое море и там немного задержались для того, чтобы подобрать тех, кто плавал в волнах. Ведь многие венецианцы под натиском врага бросились в море, кто с оружием, а кто побросав его. Некоторые из них доплыли до кораблей и спаслись, другие, обремененные оружием, потонули. В битве погибло множество врагов, как самих граждан (венецианцев), так и иностранцев, а также и сам командир, муж знатного происхождения; кроме того, было захвачено живыми в плен немного менее 300 (человек)»⁹⁵. Турецкие воины разграбили весь лагерь врагов, захватив там много всякого имущества, снаряжения, оружия, снятого с убитых, ценных кубков, различных дорогих вещей и т. п.⁹⁶

Весьма характерным для общей антилатинской направленности труда Критовула является то, что его рассказ о поражении венецианцев на Пелопоннесе отнюдь не совпадает с описанием тех же событий в сочинениях других византийских, турецких и итальянских историков того времени⁹⁷. Факт поражения венецианцев на Пелопоннесе неоспорим, однако в трудах других авторов это поражение не рисуется столь сокрушительным. По сведениям, содержащимся у современников, венецианцы осадили в 1463 г. Коринф и потерпели поражение в сражении у его стен 20 октября 1463 г. Одновременно, страдая от суровой зимы и жестоких морозов, они добровольно сняли осаду Коринфа и удалились частично под защиту Истмийской стены, частично в город Навпакт. Затем, когда 4 ноября внезапно пришла весть о приближении турецкой армии пашы Махмута, они поспешно покинули Истм и, сев на корабли, отплыли из Пелопоннеса. Паша Махмут нашел Истмийскую стену покинутой ее защитниками и мог без боя вторгнуться на Пелопоннес.

Критовул намеренно искажил ход событий, желая показать полный разгром венецианцев и подчеркнуть решительность и отвагу турецких войск. Таким образом, политические взгляды приводили этого историка и здесь к прямому искажению исторической действительности.

Не менее яркими красками рисует Критовул поражение, которое потерпели венецианцы во время экспедиции на Лесбос в 1465 г.⁹⁸

Летом 1465 г. венецианский флот из 70 триер напал на Лесбос, и венецианские войска осадили Митилену. Турецкий гарнизон и жители города, по словам Критовула, оказали им упорное сопротивление. Мехмед II, узнав о нападении венецианцев на Лесбос, «быстрее молнии» послал туда флот из 116 триер под командованием пашы Махмута.

По дороге Махмут застиг в гавани Тенедоса четыре венецианских триеры, две из них он захватил, а двум другим удалось ускользнуть и, добравшись до Лесбоса, известить венецианские войска о приближении турецкого флота. И тогда среди венецианцев началась паника. «Они были

⁹⁴ Critobulus. De rebus gestis. . . , lib. V, cap. I, § 2.

⁹⁵ Ibid., lib. V, cap. I, § 3.

⁹⁶ Ibid., § 4.

⁹⁷ Laonici Chalcocondylae Historiarum. . . , lib. X, p. 545—564; Georgius Phrantzes. Chronicon, lib. IV, cap. XX, p. 415; Saad-Eddin-Effendi. Op. cit., p. 229—234; „Lettera d'un segretario del signor Sigismondo Malatesta, delle cose fatte nella Morea per Maometh II“, „Sansovini Collectione“; Venetiae, 1582, p. 220 et sqq.

⁹⁸ Critobulus. De rebus gestis. . . , lib. V, cap. VII, § 10.

поражены этим известием, как ударом грома, и, все оставив там и машины и оружие и другое снаряжение, бросились в полном беспорядке на триеры. . . и, снявшись с якоря, бежали всего, как говорят, за 8 часов до прибытия флота султана в Митилену»⁹⁹.

И в данном случае наш автор с торжеством говорит о паническом бегстве ненавистных ему венецианцев, всячески подчеркивая их неспособность оказать реальное сопротивление туркам.

Настойчиво указывая на милостивое отношение турок к завоеванному населению, Критовул никогда не забывает упомянуть о самой жесточайшей расправе турок с захваченными ими венецианцами. Так, например, паша Махмут после взятия Митилены разделил захваченное в плен население города на три части: одним он разрешил остаться в городе, внося ежегодную дань, других увел в Константинополь и поселил там, третьих, обратив в рабство, роздал воинам и только оказавшихся в городе итальянских наемников приказал всех убить¹⁰⁰.

Точно так же поступает по отношению к пленным итальянцам и сам султан. Так, когда в Константинополь, после взятия Аргоса, были приведены захваченные в плен итальянцы и примкнувшие к итальянцам пелопоннесцы и аргейцы, султан пощадил аргейцев и поселил их в монастыре Периблптос, дав им жилища, виноградники и поля, а венецианцев и восставших против него пелопоннесцев казнил¹⁰¹.

Однако в отличие от других византийских писателей, как современных нашему историку (Георгий Сфрандзи, Марк Евгеник, Георгий Схоларий), так и более ранних (Георгий Пахимер, Никифор Григора и др.), неприязнь Критовула к итальянцам не носит характера вероисповедной вражды.

В произведении Критовула нет ни слова о религиозных разногласиях того времени (о борьбе между православной и католической церковью, о горячих спорах греческого ортодоксального духовенства с латинянами по вопросам веры), чему такое большое место отводится в трудах других византийских писателей XV в., например в сочинениях Георгия Сфрандзи¹⁰² и Дуки¹⁰³. Вопросы религии и церковной борьбы не находятся в поле зрения автора, и его произведение носит сугубо светский характер.

Показательной в этом отношении является сдержанность, с которой Критовул рассказывает о назначении Геннадия (Георгия Схолария) первым греческим патриархом при турках. Это событие, весьма подробно описанное другими историками, у Критовула излагается в весьма скупых и лаконичных выражениях: «И таким образом, — пишет он, — по воле бога, после долгого перерыва церковь была возвращена царем христианам»¹⁰⁴. Правда, Критовул воздает должное Геннадию и называет его человеком, отличавшимся мудростью, образованностью и добродетелью, но особо акцентирует свое внимание на описании милостей султана Мехмеда II в отношении Геннадия¹⁰⁵.

⁹⁹ Critobulus. De rebus gestis. . . , lib. V, cap. VII, § 10.

¹⁰⁰ Ibid., lib. IV, cap. XII, § 9.

¹⁰¹ Ibid., lib. V, cap. II, § 4.

¹⁰² Георгий Сфрандзи в своем труде уделяет большое внимание как догматическим спорам с латинянами (Georgius Phrantzes. Chronicon, lib. IV, cap. I—II, p. 310—323), так и полемике с мусульманами (ibid., lib. IV, cap. III—VIII, p. 328—378), причем он трактует эти вопросы с ортодоксальных позиций.

¹⁰³ Дука также отводит в своем произведении большое место догматическим спорам, особенно вопросу об унии между православной и католической церквами (Ducas. Historia Byzantina, p. 212—217). Однако он трактует эти вопросы с латинофильских позиций.

¹⁰⁴ Critobulus. De rebus gestis. . . , lib. II, cap. II, § 3.

¹⁰⁵ Ibid., § 1—2.

Индифферентизм Критовула в вопросах веры проявляется также и в том, что он, многословно воспевая заботы Мехмеда II о завоеванном населении, его строительную деятельность, его покровительство торговле и мореплаванию, лишь один раз вскользь упоминает о веротерпимости Мехмеда II по отношению к христианам¹⁰⁶.

Конечно, вполне естественно, что в труде, посвященном турецкому султану, Критовул был принужден из осторожности обходить молчанием наиболее острые вопросы, связанные с религией и положением церкви. Однако полный индифферентизм Критовула в вопросах веры, по-видимому, не случаен и находится в прямой связи с его общей политической позицией.

Борьба за политическую власть, экономическое соперничество в области торговли и мореплавания между ромеями и итальянцами — вот что лежало в основе антилатинской ориентации патрицианской знати Имброса, Лемноса и других островов Эгейского моря, идеологом которой являлся Критовул. В проведении этой политики патрицианская знать — динаты — получала поддержку верхушки торгово-ремесленных кругов, также ненавидевших своих соперников — итальянцев. Кроме того, динаты островов Эгейского моря умело использовали ненависть народных масс к итальянским феодалам и купцам и стремились направить социальное недовольство народа в русло борьбы со своими политическими противниками.

Антилатинские настроения патрицианской знати островов Эгейского моря наложили отпечаток на мировоззрение Критовула и нашли отражение в его труде¹⁰⁷.

3. ОТНОШЕНИЕ КРИТОВУЛА К ВИЗАНТИЙСКОМУ ГОСУДАРСТВУ И ГРЕЧЕСКОМУ НАРОДУ

Критовул, грек по рождению, человек широко образованный, знаток и любитель эллинской культуры, прекрасно понимал ложность своего положения перед лицом соотечественников. Он боялся справедливого осуждения со стороны сограждан и стремился оправдать свое ренегатство в глазах современников и потомков.

Стремление оправдать себя перед греками отчетливо видно во вступлении Критовула к его «Истории Мехмеда II»¹⁰⁸. Это вступление представляет значительный интерес для определения мировоззрения автора. Чувствуя двусмысленность своего положения как историографа султана, завоевателя ромейского государства, Критовул стремится объяснить причины, толкнувшие его написание панегирика завоевателю. «Я прошу современников и потомков, — пишет он, — которые некогда будут читать это произведение, не обвинять меня ни в глупости, ни в злобе за то, что я, не сочувствуя нашим несчастьям и не огорчаясь страданиями нашего народа¹⁰⁹, предпочел описать, открыто обнародовать и обсуждать несчастья родины, хотя скорее следовало по возможности скрывать их и никоим образом не выставлять всем напоказ»¹¹⁰.

Изагая причины создания труда, прославляющего подвиги завоевателя ромейской державы, Критовул подчеркивает, что его побудило к этому отнюдь не желание осудить свой народ перед лицом истории. Его

¹⁰⁶ Critobulus. De rebus gestis. . . , lib. II, cap. II, § 1—3.

¹⁰⁷ См. Э. В. Удадьцова. Предательская политика феодальной знати Византии в период турецкого завоевания. ВВ, т. VII, 1953, стр. 115—121.

¹⁰⁸ Critobulus. De rebus gestis. . . , lib. I, cap. I—III.

¹⁰⁹ Буквально — „нашего рода“.

¹¹⁰ Ibid., cap. III, § 1.

убеждениям чуждо подобное стремление и он не столь бесчувственен и жесток, чтобы к бедствиям своего народа прибавлять еще и порицание¹¹¹. Он не столь глуп и нерассудителен и не настолько чужд мирским делам, чтобы не знать о превратностях судьбы, о непостоянстве и изменчивости всего существующего. А при непостоянстве судьбы и пороках человеческой природы он не может ожидать и для своего народа постоянного и непреходящего счастья. Ведь кто не знает, что с тех пор, как существуют люди, мировое господство никогда прочно не закреплялось за одним народом и племенем, но постоянно переходило от одного народа к другому; сегодня оно было у ассирийцев, мидян и персов, завтра у эллинов и римлян, никогда не возвращаясь обратно¹¹². И нет ничего удивительного в том, что ныне настало время ромеев испытать превратности судьбы и что их державу покинуло счастье, перейдя к другим, как некогда оно от других перешло к ним, следуя установленному порядку вещей¹¹³.

Таким образом, во введении к «Истории Мехмеда II» Критовул стремится исторически обосновать, а тем самым и оправдать свою политическую позицию, позицию историографа и панегириста завоевателя ромейского государства и поработителя греческого народа — султана Мехмеда II. Излагая свои взгляды на ход мировой истории — свою философию истории, Критовул кладет в основу понимания исторического процесса распространенный в античной и средневековой историографии тезис о непостоянстве и изменчивости всего существующего, тщете всего земного и всесили рока, судьбы. Исходя из этого фаталистического объяснения хода исторических событий, Критовул рассматривает предшествующую историю как последовательную и неизбежную смену мировых держав — ассирийской, мидийской, персидской, эллинской, римской и, наконец, оттоманской.

Эта идея имела широкое распространение в тяжелую годину турецкого завоевания Византии, и мы ее встречаем в трудах и других византийских историков, современников Критовула — Георгия Сфрандзи¹¹⁴ и Лаоника Халкокондила¹¹⁵. Однако у каждого из этих историков идея последовательной смены мировых держав получает свою особую окраску, в зависимости от политических взглядов того или иного автора.

У Критовула эта идея используется для оправдания неизбежности турецкого завоевания Византии. В гибели византийского государства нельзя винить греческий народ, в этом повинна лишь судьба. Вместе с тем, фаталистически утверждая неизбежность падения римской державы, Критовул стремится использовать это заключение и для своего личного оправдания — оправдания своих туркофильских симпатий, — ибо турецкое завоевание изображается им как нечто абсолютно неотвратимое и predeterminedное всем ходом исторического развития. При этом турецкое завоевание рисуется Критовулом не как неизбежное зло, а наоборот, как благо для византийского государства.

У Георгия Сфрандзи, — представителя греко-православного направления в византийской историографии того времени, — фаталистическая идея неизбежной смены мировых держав приобретает поистине трагическое звучание. Роковая гибель государства ромеев для Сфрандзи — величайшее несчастье, страшная катастрофа не только для него лично, но и для всего народа¹¹⁶.

¹¹¹ Critobulus. De rebus gestis. . . , lib. I, cap. III, § 2.

¹¹² Ibid., § 4.

¹¹³ Ibid., § 5.

¹¹⁴ Georgius Phrantzes. Chronicon, lib. IV, cap. I, p. 314.

¹¹⁵ Laonici Chalcocondylae Historiarum. . . lib. I, p. 5—6.

¹¹⁶ Georgius Phrantzes. Chronicon, lib. IV, стр. II, p. 323.

У афинянина Лаоника Халкокондила идея смены мировых держав окрашена в иные тона. Ему чужд фаталистический и пессимистический взгляд на ход мировых событий. Его философия истории проникнута оптимизмом и патриотизмом. В противоположность Критовулу, который приветствовал турецкое завоевание и считал гибель византийского государства окончательной, Халкокондил верит в возможность возрождения греческой державы и греческой культуры. Он надеется, что капризное счастье когда-либо изменит туркам и вновь возвратится к грекам¹¹⁷. Глубокая вера в будущее торжество греческой свободы, культуры и образованности пронизывает мировоззрение одного из последних патриотов среди византийских писателей.

Туркофил Критовул, особо подчеркивая, что мировое господство, утраченное ромеями, никогда не может к ним возвратиться, тем самым стремится провозгласить неизбежность турецкого владычества, показать тщетность борьбы против турок, оправдать свое сотрудничество с ними¹¹⁸. Патриот Халкокондил призывает греков объединиться, восстановить свою свободу, что даст им возможность вновь встать во главе других народов и управлять теми племенами, которые теперь наступили ногой им на горло¹¹⁹.

Таким образом, Критовул в своей концепции хода мировой истории как неизбежной смены мировых держав отнюдь не оригинален, однако широко распространенные в византийской историографии идеи он использует в целях реабилитации политической направленности своего труда и общей историко-философской концепцией дает идейную мотивировку своего ренегатства.

Той же цели подчинено и настойчивое стремление Критовула доказать свою полную объективность, свою «любовь к истине»¹²⁰.

В этом отношении Критовул также не оригинален. Многие византийские и античные авторы начинали свои произведения с декларирования полной объективности и стремления к истине, что, конечно, не мешало им оставаться на определенных классовых позициях и давать тенденциозное освещение исторических событий.

У Критовула это расхождение между внешней, показной объективностью и явной тенденциозностью выражено особенно наглядно¹²¹. Декларация о полной объективности и беспристрастности отнюдь не вяжется с общим панегирическим тоном труда Критовула и с туркофильской окраской всего его произведения.

Критовул, по-видимому, опасался недоверия и упреков со стороны соотечественников и поэтому с таким упорством подчеркивал свое беспристрастие. Стремясь оправдать себя перед современниками и потомками, Критовул обращается к фактам прошлого и находит союзника в лице такого же, как он, ренегата — Иосифа Флавия. Критовул восхваляет Флавия за его правдивость и объективность, за то, что он не побоялся во имя истины изобразить поражение своего народа и торжество победителей.

«И таким же образом, — пишет он, — Иосиф Еврей, любитель истины (φιλαλήθης), будучи хорошо осведомленным в делах, восхваляет, стремясь к правде, в книге об осаде¹²² счастье и доблесть римлян и порицает

¹¹⁷ Laonici Chalcocondylae Historiarum. . . , lib. I, p. 4—5.

¹¹⁸ Critobulus. De rebus gestis. . . , lib. I, cap. III, § 4.

¹¹⁹ Laonici Chalcocondylae Historiarum. . . , lib. I, p. 5.

¹²⁰ Critobulus. De rebus gestis. . . , lib. I, cap. III, § 7—8.

¹²¹ Ibid., § 4—8.

¹²² В книге об осаде Иерусалима.

тех из его народа, кто оказался дурным, тех же, кто ни в чем не виновен, он избавляет от порицаний»¹²³.

Критовул открыто признает, что будет следовать примеру Иосифа Флавия в описании бедствий своего народа и побед турецкого султана. «То же и я буду делать всеми способами, — заявляет он, — ничего не пропуская и сохраняя истину»¹²⁴.

Таким образом, историк-рenegат XV в., описавший торжество завоевателей над своим народом, протягивает через века руку другому историку-рenegату и ищет у него поддержки и подтверждения своей объективности, в чем, по-видимому, он весьма нуждался.

Для определения политических взглядов Критовула большое значение имеет еще один важный тезис, выставляемый автором в его введении к «Истории Мехмеда II».

Анализируя причины гибели византийского государства, наш историк указывает, что в падении империи повинен не народ, а «дурные правители»¹²⁵.

«И если некоторые правители, — пишет Критовул, — при таком положении дел, вследствие испорченности своей природы, оказались дурными по отношению государства и вели дела не так, как следовало, это нельзя считать ошибкой народа, но дурных (правителей), ведших дела неподобающим образом. И этих одних справедливо порицать, а не обвинять народ, так же, как следует хвалить хороших и всеми способами прославлять и превозносить их подвиги; ведь несправедливо, вследствие легкомыслия и злобы некоторых, стремиться лишить их похвал, одобрения и наград за добродетель»¹²⁶.

И как возможно, — спрашивает автор, — обвинять народ за то, что он не мог удерживать господство, сохранить державу и избежать превратностей судьбы?»¹²⁷

На наш взгляд, тезис автора о том, что в гибели Византии повинен не народ, а дурные правители, являлся довольно искусным демагогическим приемом, пущенным в ход для привлечения на свою сторону общественного мнения¹²⁸. Нам думается, что это место из введения к «Истории Мехмеда II» отнюдь не является апелляцией Критовула к широким народным массам византийского государства, ибо подобная ориентация на народ совершенно не вязалась бы с политической позицией историка.

Красной нитью через весь труд Критовула проходит высокомерное, пренебрежительное отношение автора к народным массам, — все произведение Критовула проникнуто презрением аристократа и образованного человека к «грубой» и «невежественной» «черни». Кроме того, для Критовула понятие народ имеет скорее этническое, чем социальное значение, ибо он употребляет в данном случае термин «τὸ γένος» («род»), а не «ὁ δῆμος» («народ») ¹²⁹.

¹²³ Critobulus. De rebus gestis. . . , lib. I, cap. III, § 8.

¹²⁴ Ibidem.

¹²⁵ Ibid., § 6.

¹²⁶ Ibid., lib. I, cap. III, § 7.

¹²⁷ Ibid., § 6.

¹²⁸ Некоторые исследователи, как, например, И. Радониц и Е. Дарко, обращали внимание на это место в труде Критовула, однако не давали его детального анализа. J. Радонић. Критовул — византијски историк 15 в. Глас Српске Краљевске Академије, т. СXXXVIII, други разред, 73, Београд, 1930, стр. 67; E. D a r k o. Die letzten Geschichtsschreiber von Byzanz. Ungarische Rundschau für historische und soziale Wissenschaften, 2 Jahrgang, II Heft, April, 1913. S. 390.

¹²⁹ Critobulus. De rebus gestis. . . , lib. I, cap. III, § 4—8.

Таким образом, на наш взгляд, приведенный выше отрывок труда Критовула вряд ли может явиться свидетельством наличия демократических идей у этого автора. Приоритет же Критовулу «дурных правителей», без указания конкретных лиц, носит слишком обобщенный, риторический характер и также не может служить доказательством демократизма и оппозиционности автора. Более того, оправдание византийского народа и обвинение в гибели государства «дурных правителей» до некоторой степени звучало в унисон с политикой самого турецкого султана Мехмеда II, который решительно расправлялся с «правителями» Византийской империи, оказывавшими ему сопротивление, и одновременно стремился привлечь на свою сторону различными уступками и привилегиями ренегатов из покоренного населения. Следовательно, этот тезис был вполне приемлем для Мехмеда II и без опасения мог быть включен в произведение его историографа. В этой части введения к труду Критовула отчетливо чувствуется, кроме того, и стремление автора найти оправдание не только для себя, но и для своих сторонников и единомышленников из числа туркофилов и одновременно опорочить своих политических противников, выступавших против сотрудничества с турками.

Ученые, изучавшие сочинение Критовула, интересовались вопросом о том, насколько искренен был автор «Истории Мехмеда II» во введении к своему труду, излагающем его политическое *stredo*. На их взгляд, с психологической точки зрения трудно было понять, как мог грек по рождению воспевать подвиги завоевателя своей родины.

Подавляющее большинство ученых (П. Погодин, М. Убичини, Е. Дарко и др.), за исключением И. Радоница, пришли к выводу о том, что Критовул был здесь неискренен и пытался громкими фразами о своей объективности замаскировать свои истинные цели и намерения. При этом основным двигателем его поступков обычно выставлялся личный расчет. Так, например, венгерский ученый Е. Дарко по этому поводу писал о Критовуле: «Когда он для прикрытия своего эгоизма впадает в фукидидовский тон, то его голос звучит фальшиво и вызывает отвращение читателя»¹³⁰.

Для нас также является бесспорным, что когда Критовул говорит о своей любви к истине и полной объективности, стремясь тем самым оправдать свою политическую позицию, не может быть и речи о его искренности и правдивости. Все попытки Критовула оправдать свое ренегатство, все его демагогические заигрывания с соотечественниками, конечно, не внушают доверия. Да и какое может быть оправдание ренегату, открыто перешедшему в стан врагов его родины? Можно вполне согласиться с П. Погодиным в том, что к автору «Истории Мехмеда II» весьма уместно применить французскую пословицу «qui s'excuse s'accuse»¹³¹.

Но нельзя отрицать и другого. Внимательное изучение труда Критовула показывает, что Критовул сохраняет уважение к грекам и отдает должное своим соотечественникам, нигде не унижаясь до клеветы, нападок или оскорбительных насмешек в отношении своих сограждан, чего можно было бы ожидать в труде, посвященном турецкому султану Мехмеду II и написанном пером ренегата.

Так, например, при описании осады Константинополя турецкими войсками Критовул подчеркивает стойкость и мужественное сопротивление греков¹³². Весьма показательным в этом смысле является его отношение

¹³⁰ E. Darkó. Die letzten Geschichtschreiber von Byzanz, S. 391.

¹³¹ П. Погодин. Обзор источников по истории осады и взятия Византии турками в 1453. ЖМНП, 1889, ч. 264. стр. 214.

¹³² Critobulus. De rebus gestis... lib. I, cap. XXIV, XXV, XXXIV, XXXVI, XLIII, XLIV.

к последнему византийскому императору Константину XI Палеологу. Критовул говорит о Константине XI всегда в сдержанном, но все же хвалебном тоне: он отнюдь не стремится очернить его в угоду новому властелину. Особенно это бросается в глаза при описании гибели Константина¹³³. Так, касаясь последних часов осады Константинополя, Критовул рассказывает, что император, видя страшную опасность, которая грозила его государству, и имея возможность спастись, предпочел, несмотря на уговоры своих приближенных, претерпеть все несчастья вместе со своими подданными¹³⁴. Долг и благо родины, по словам Критовула, были для него важнее жизни. «И после того, как он увидел, что враги одержали победу и ворвались в город, Константин с криком — «Город взят, а я еще жив!» — бросился в самую середину сражающихся и тотчас был изрублен врагами»¹³⁵. «Так, — заключает автор, — муж прекрасный и всеобщий защитник, несчастный в течение всей своей жизни, принял несчастнейший конец»¹³⁶.

Критовул восхваляет скромность и ум Константина XI¹³⁷, его добродетель и опытность в государственных делах и сравнивает его с Периклом¹³⁸. В словах Критовула слышится уважение и сострадание к императору, что несомненно требовало известной смелости от писателя, посвятившего свой труд Мехмеду II и пославшего его на одобрение султану. Быть может, описание смерти императора и было одним из тех мест, которые не понравились султану и роковым образом отразились на судьбе произведения Критовула.

Однако такую «смелость» мы встречаем у автора не слишком часто. Значительно чаще он предпочитает скрывать свое отношение к грекам, считая лучшим о многом говорить без всяких комментариев или просто умалчивать. В то время как льстивая похвала султану выступает на первый план, сочувствие к грекам вуалируется, остается в тени. Показательным в этом отношении является описание Критовулом казни Мехмедом II великого дуки Луки Нотары и его сыновей.

Касаясь этого эпизода, Критовул прежде всего стремится показать, что султан сначала отнесся к Луке Нотаре и другим византийским вельможам, захваченным после падения Константинополя, милостиво и благожелательно¹³⁹. Однако затем какие-то завистники из приближенных Мехмеда II якобы оклеветали Нотару и других греческих вельмож и вызвали гнев султана. Об этом автор, видимо, умышленно говорит крайне туманно и осторожно. Разгневанный султан приказал казнить Луку Нотару, его двух сыновей и еще десять вельмож¹⁴⁰.

Конечно, невозможно представить себе, чтобы в таком труде, как «История Мехмеда II» Критовула, могла быть помещена та версия казни Нотары, которая приведена в произведениях Сфрандзи, Дуки, Халкокондила и по которой причиной гнева султана на Нотару был отказ великого дуки отдать своего юного и прекрасного сына на поругание султану¹⁴¹. Ясно, что автор был заинтересован в том, чтобы скрыть все порочащее султана. Однако описание Критовулом самой казни Луки Нотары не вы-

¹³³ Critobulus. De rebus gestis... , cap. LXXII, § 1—2.

¹³⁴ Ibid., § 1.

¹³⁵ Ibid., cap. LXXII, § 2.

¹³⁶ Ibidem.

¹³⁷ Ibid., § 1.

¹³⁸ Ibidem.

¹³⁹ Ibid., lib. I, cap. LXXIII, § 2.

¹⁴⁰ Ibid., § 13.

¹⁴¹ Georgius Phrantzes. Chronicon, lib. III, cap. IX, p. 291; Laonici Chalcondylae Historiarum... lib. VIII, p. 401; Ducas. Historia Byzantina, p. 303—306.

зывает сомнения в симпатии автора к этому своему соотечественнику. Критовул с явным сочувствием описывает необычайную твердость духа и мужество престарелого вельможи, который, по словам автора, спокойно, не сводя глаз, смотрел, как перед ним казнили двух его сыновей, а затем сам склонил свою голову под меч палача. При этом Критовул даже решился сказать о том, что Нотара предпочел собственную смерть и гибель своих сыновей переходу в мусульманство¹⁴².

О Нотаре автор говорит в хвалебном тоне, он называет его человеком благочестивым, имеющим острый ум и возвышенную душу, человеком, опытным в политических делах, весьма богатым и влиятельным, пользовавшимся славой не только у ромеев, но и у других народов¹⁴³. Он подчеркивал, что мужественная смерть Нотары послужила примером для других вельмож, казненных после него, которые проявили во время казни такую же стойкость, как и великий дука¹⁴⁴.

Французский исследователь М. Убичини правильно отметил, что хотя Критовул при описании казни Нотары и не сказал ни одного слова в порицание Мехмеда II, однако само восхваление его жертв, мужества и доблести старого Нотары, невинности его сыновей уже были молчаливым осуждением палачу¹⁴⁵.

Итак, следует признать, что Критовул, несмотря на свои туркофильские симпатии, сохранил все же уважение к своим соотечественникам и сочувствие к ним в столь тяжкую для них минуту.

В «Истории Мехмеда II» весьма сильно чувствуется, что автор ее грек, знаток и любитель греческой культуры, изучавший древнеэллинскую историю по Геродоту и Фукидиду, географию по Птолею и Помпонию Меле, хорошо знакомый с греческой философией и литературой.

Критовул хорошо осведомлен в греческой и римской истории. Он знает Гомера и троянских героев Ахилла и Аякса¹⁴⁶, походы Дария и Ксеркса¹⁴⁷. Он рассказывает о борьбе Рима с Карфагеном¹⁴⁸, о вторжении кельтов в Рим¹⁴⁹. Султана Мехмеда II он сравнивает с Александром Македонским, Помпеем и Цезарем¹⁵⁰. В своем труде Критовул нередко использует образы античной мифологии. Так, например, говоря о постройке Мехмедом II крепости на Босфоре, автор не преминул упомянуть о Геракле, Язоне и Аргонавтах, Симплегадах¹⁵¹, а в другом месте он вспоминает о Сцилле и Харибде¹⁵².

Любовь Критовула к античности сказывается и в том, что он, желая польстить султану, изображает и его знатоком и любителем не только арабской и персидской, но и греческой литературы¹⁵³.

Особенно интересовался султан, по словам Критовула, греческой философией, в частности философией перипатетиков и стоиков¹⁵⁴. Он будто бы беседовал по этим вопросам с византийским ученым Георгием Амируци¹⁵⁵.

¹⁴² Critobulus. De rebus gestis. . . , lib. I, cap. LXXIII, § 11.

¹⁴³ Ibid., § 12.

¹⁴⁴ Ibidem.

¹⁴⁵ M. Ubicini. Chronique du règne de Mahomet II par Critobule d'Imbros. Paris, 1871, p. 67.

¹⁴⁶ Critobulus. De rebus gestis. . . , lib. IV, cap. XI, § 5—6.

¹⁴⁷ Ibid., lib. V, cap. III, § 3.

¹⁴⁸ Ibid., lib. I, cap. LXVIII, § 6.

¹⁴⁹ Ibid., § 7.

¹⁵⁰ Ibid., cap. V, § 1.

¹⁵¹ Ibid., cap. X, § 2—3.

¹⁵² Ibid., lib. V, cap. III, § 2.

¹⁵³ Ibid., lib. I, cap. V, § 2.

¹⁵⁴ Ibidem.

¹⁵⁵ Ibid., lib. V, cap. X, § 4—6.

Под руководством того же Амируци султан познакомился с трудами александрийского географа Клавдия Птолемея и с большим интересом изучал их, как и многие другие географические сочинения¹⁵⁶.

Критовул много говорит об уважении султана к славному прошлому греческого народа. Так, рисуя красочную картину посещения Мехмедом II Афин, Критовул пишет, что султан «питал сильную любовь к этому городу», так как «он слышал много прекрасного о мудрости живших в нем мужей, о их храбрости и доблести и о многих удивительных подвигах, которые они совершили, сражаясь и против эллинов, и против варваров»¹⁵⁷. Особенно большое впечатление, по словам Критовула, произвел на султана Акрополь, красоте которого он удивлялся и судил о его развалинах как «мудрец, филэллин и великий царь»¹⁵⁸. С жителями Афин Мехмед II обошелся будто бы весьма милостиво, щедро одарил и исполнил все просьбы афинян, — «уважая их предков»¹⁵⁹. Затем султан проехал через Беотию и Платею, посетил все «эллинические места», любовался приливами и отливами Эврипа, побывал на Эвбее и опять-таки милостиво обошелся с населением острова.

По словам Критовула, султан посетил и развалины Трои и побывал на могилах Ахиллеса и Аякса, подвиги которых воспел Гомер¹⁶⁰. Подражая Фукидиду, Критовул вкладывает в уста турецкого султана торжественную речь, якобы произнесенную им на могилах троянских героев. В этой речи Мехмед II выступает как «азиат, мститель за азиатов», отомстивший завоевателям Трои за их злодеяния¹⁶¹.

Кроме Критовула, насколько нам известно, другие современные ему источники, и в частности турецкие, хранят полное молчание об этом эпизоде. Это наводит на мысль, что в действительности турецкий султан вовсе и не был на могилах троянских героев, а тем более не произносил там речей в стиле Фукидида, и вся эта сцена навеяна легендой о посещении развалин Трои Александром Македонским, которую Критовул мог найти у Арриана или у Лукана. Но если это и так, то все же очевидно, что эта сцена введена Критовулом в его «Историю Мехмеда II» отнюдь не случайно, не как простое риторическое украшение. Цель рассказа Критовула, видимо, была двойной — во-первых, польстить султану и выставить его в качестве мстителя грекам за троянцев; во-вторых же — показать интерес и уважение султана к эллинскому прошлому.

Критовул был поклонником не только греческой культуры, но и греческого языка. В своем посвятельном письме, адресованном султану Мехмеду II, Критовул с большой горячностью говорит о славе и значении греческого языка. Он пишет султану, что подвиги его будут описаны многими знаменитыми восточными авторами, однако необходимо рассказать о его деяниях на греческом языке, ибо в первом случае эти дела станут известными только персам и арабам и тем, кто понимает их язык, в другом же случае «они станут общим предметом удивления не только у одних греков, но и у всех западных народов, и у тех, кто живет за Столбами (Геракла), на Британских островах, и у многих других»¹⁶². Из вышеприведенного отрывка письма Критовула султану мы видим, что Критовул стремится показать значение греческого языка как языка, распространен-

¹⁵⁶ Critobulus. De rebus gestis. . . , lib. V, cap. X, § 5.

¹⁵⁷ Ibid., lib. III, cap. IX, § 5.

¹⁵⁸ Ibid., § 6.

¹⁵⁹ Ibidem.

¹⁶⁰ Ibid., lib. IV, cap. XI, § 5.

¹⁶¹ Ibid., § 6.

¹⁶² Ibid., Epistola, § 3.

ного у многих народов и чрезвычайно популярного. При этом он хочет поднять в глазах султана ценность своего труда, написанного на греческом языке, показав, что этот язык имеет всеобщее распространение и подвиги Мехмеда II, воспетые на греческом языке, тем самым получают мировую славу¹⁶³.

В своем стремлении возвысить эллинскую культуру и эллинское прошлое и вместе с тем польстить могущественному завоевателю Критовул заходит так далеко, что создает совершенно фантастическую генеалогию рода Османов, доказывая, что Османы были эллинского происхождения. По словам Критовула, Османы происходили от древнего рода персидских царей — Ахеменидов и Персидов, потомков Ахемена и Персея¹⁶⁴. Ахемениды же и Персей были эллины, ведущие свой род от Даная и Линкея, живших первоначально в Египте, а впоследствии переселившихся в Элладу. В последние времена их потомки Ахемениды и Персиды случайно переправились в Азию и основали там свою державу¹⁶⁵.

Подчеркивая эллинское происхождение Османов, Критовул хочет не только польстить могущественному султану, создав ему столь пышную генеалогию, но и сделать турецкую династию более приемлемой для греков. Одновременно он как бы стремится оправдать и себя, показывая, что он прославляет государя не варварского, а эллинского происхождения.

Тенденциозность нашего автора в этом вопросе особенно бросается в глаза при сравнении его труда с произведением Лаоника Халкокондила¹⁶⁶, в котором также отводится большое место рассмотрению вопроса о происхождении турок, вопроса, по-видимому, волновавшего умы его современников. В отличие от Критовула, который высказывает свое мнение о генеалогии рода Османов в весьма категорической форме, Халкокондил приводит несколько версий о происхождении турок. Согласно первой из них, турки происходят от скифов или татар, кочевого варварского племени, что подтверждается сходством их быта, нравов и языка¹⁶⁷. По второй версии, турки ведут свой род от парфян, а согласно третьей — из города Гигса в Персии¹⁶⁸. Халкокондил осторожно заявляет, что нельзя полностью доверять всем этим мнениям и среди них нет ни одного вполне достоверного. Однако сам он склоняется в пользу скифского (т. е. варварского) происхождения турок, так как это подтверждается общностью быта, нравов, языка¹⁶⁹.

Приверженность Критовула к греческой культуре и образованности подтверждается также наличием в его труде большого числа античных

¹⁶³ Другой византийский историк XV в., Лаоник Халкокондил, тоже с глубоким уважением относился к греческому языку. „Этот язык, — писал он, — во всем мире и всегда был наиболее прославленным и пользовался почетом, и еще сегодня он является почти общим (языком) для всех“ (*Laonici Chalcocondylae Historiarum... lib. I, p. 4*). Однако прославление греческого языка у Халкокондила имеет совсем иную цель, чем у Критовула. Халкокондил восхваляет греческий язык с тем, чтобы „какая-либо богатая и могущественная держава приняла его из рук греческого государя“ и чтобы греческий народ возродил свою свободу и свое государство, где вновь господствовала бы эллинская речь. Таким образом, если у Критовула восхваление греческого языка используется для прославления подвигов турецкого султана, то у Халкокондила это делается для подкрепления идеи возрождения греческого государства. Различие политических тенденций этих двух авторов сказывается здесь достаточно наглядно.

¹⁶⁴ Critobulus. De rebus gestis... lib. I, cap. IV, § 2.

¹⁶⁵ Ibidem.

¹⁶⁶ Laonici Chalcocondylae Historiarum... lib. I, p. 13.

¹⁶⁷ Ibidem.

¹⁶⁸ Ibidem.

¹⁶⁹ Ibidem.

реминисценций. Так, например, все современные ему народы Критовула называет античными именами; так, сербы у него — трибаллы, боснийцы — далматы, валахи — даки и геты, венгры — паннонцы, болгары — мизы, татары — скифы, албанцы — иллирийцы¹⁷⁰. Географические описания, встречающиеся в труде Критовула, зачастую целиком взяты им у античных авторов. Так, например, описание г. Эноса и реки Эврон целиком взято у Геродота¹⁷¹, так же как и описание реки Истра¹⁷², а рассказ об Эпидамне заимствован у Фукидида¹⁷³. Критовула применяет античные названия мер, например, στάδια, ὀβολός и др. (Впрочем, то же самое мы встречаем у Халкокондила). Военная терминология Критовула целиком античная: *οπλίτης, τοξότης, πελταστής* и т. п.

В стиле и языке Критовула также чувствуется влияние античных авторов, в частности Фукидида. Так, например, Критовула, подражая Фукидиду, вкладывает в уста турецкого султана речи совершенно в античном духе. По меткому выражению П. Погодина, подобные речи могли произноситься лишь деятелями Пелопоннеской войны, да и то в воображении их историков. Такова, например, длинная речь, будто бы обращенная Мехмедом II к его «сатрапам, военачальникам и воинам» перед началом похода на Константинополь¹⁷⁴. Общий стиль и язык этой речи чрезвычайно похожи на стиль и язык речей, встречающихся в труде Фукидида. Подобна первой и вторая речь Мехмеда II, якобы произнесенная им накануне генерального штурма столицы византийского государства¹⁷⁵. Султан, конечно, обращался с речами к своим войскам, однако они были, несомненно, совсем иного содержания и иной формы. Недостоверность этих речей подтверждается еще и наличием в них ошибок и анахронизмов. Например, в первой речи, произнесенной перед походом на Константинополь, султан говорит о завоевании турками Боснии, которое произошло лишь спустя 10 лет после падения Константинополя¹⁷⁶.

Подводя итоги нашему исследованию, мы можем прийти к заключению, что в мировоззрении Критовула нашел свое отражение сложный переплет политической и социальной борьбы его времени. При явном преобладании туркофильских настроений, переплетающихся с нескрываемой ненавистью к венецианцам, в его труде хотя и приглушенно, но все же звучат нотки сочувствия к бедствиям византийского государства, носителя древней и блестящей культуры. Быть может, именно это сочувствие к гибнущей Византии, хотя и вуалируемое Критовулом, но все же довольно ясно проявляющееся в его труде, и определило судьбы «Истории Мехмеда II», да и самого автора этого произведения, так и не достигшего в Османском государстве тех высот, о которых он, по-видимому, мечтал.

Это, конечно, отнюдь не исключает самой суровой оценки позиции Критовула как ренегата, воспевавшего подвиги завоевателя его родины. Эта характеристика вытекает из оценки туркофильского течения в целом, которое бесспорно являлось течением, опасным для судеб византийского государства, ускорившим его гибель. Бесспорно также и то, что среди причин,

¹⁷⁰ У современника Критовула историка Дуки приводятся уже современные названия народов — сербы, турки, валахи и т. п.

¹⁷¹ Critobulus. De rebus gestis. . . , lib. II, cap. XII, § 2; Herodotus. Historia, IV, 90.

¹⁷² Critobulus. De rebus gestis. . . , lib. II, cap. VII, § 1; Herodotus. Historia, IV, 48.

¹⁷³ Critobulus. De rebus gestis. . . , lib. III, cap. XVI, § 1; Thukidides, I, 24, 1.

¹⁷⁴ Critobulus. De rebus gestis. . . , lib. I, cap. XIV—XVI.

¹⁷⁵ Ibid., cap. XLVIII—LI.

¹⁷⁶ Ibid., cap. XIV, § 7.

толкнувших Критовула на ренегатство, немалую роль играли мотивы личного, своекорыстного характера. Недаром же Критовул за свое ренегатство получает от турецкого султана пост наместника острова Имброса. Личные мотивы оказали влияние на политическую позицию и других туркофилов, например Георгия Амируци¹⁷⁷.

Но говоря о появлении туркофильского течения в Византии, не следует все же слишком упрощать вопрос. Византийскую патрицианскую знать, идеологом которой являлся наш автор, толкала на сближение с турками борьба за власть, за политическое и экономическое преобладание в бассейне Эгейского моря, которую они вели с итальянскими городами-республиками, особенно с Венецией. В этой борьбе особенно активно выступали те круги патрицианской знати, которые были тесно связаны с торговлей и видели в итальянцах своих основных торговых соперников. Политика туркофилов встречала поддержку у части купечества, в частности у греческих торговцев таких крупных торговых центров, как город Энос, острова Эгейского моря, некоторые города Пелопоннесского полуострова. Решающую роль в распространении туркофильских настроений среди части купечества сыграла и торговая конкуренция с итальянцами и сознание слабости византийского государства, беспомощности византийского правительства, неспособного охранять греческую торговлю от конкуренции иностранных купцов. Все эти мотивы, отчетливо проступающие в «Истории Мехмеда II», отнюдь не оправдывают, конечно, но во всяком случае объясняют появление туркофильского течения в Византии, видным деятелем которого и был наш автор.

---

¹⁷⁷ Критовул, говоря об этом видном ренегате, перешедшем на сторону турок, указывает, что султан щедро вознаградил услуги трапезунтского ученого, и, в частности, за перевод на арабский язык труда александрийского географа Клавдия Птолемея султан осыпал Георгия Амируци щедрыми наградами (C r i t o b u l u s. De rebus gestis... lib. V, cap. X, § 8—9).